

УДК 903

Г. Бар-Оз, А. Бельфер-Коэн, Т. Мешвелиани,
Н. Жакели, З. Мацкевич, О. Бар-Йозеф

ОХОТА НА МЕДВЕДЯ В МЕЗОЛИТЕ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ

*В статье представлены новые данные по зооархеологии грота Котиас клде в Грузии, где значительную часть фаунистического комплекса составляют костные остатки бурого медведя (*Ursus arctos*), обнаруженные вместе с мезолитическими артефактами. На фоне других кавказских – да и евразийских в целом – остеологических коллекций медвежьей кости из Котиас клде выделяются необычайно хорошей сохранностью. Наличие среди находок костных остатков молодых особей, полнота спектра представленных в комплексе скелетных элементов, а также следы разделки туш и снятия шкур указывают на то, что охота на медведя носила активный характер и может рассматриваться как составляющая сложной системы отношений охотничьих сообществ с окружающим их миром животных.*

Ключевые слова: Кавказ, охота на медведя, бурый медведь, мезолит, тафономия, зооархеология.

Введение

Обычным объектом охоты в среднем, верхнем палеолите и мезолите Евразии были крупные травоядные животные зрелого возраста. От умелого охотника требуется детальное знание того, где и когда подстеречь ту или иную дичь, как ее выследить и ловить. Успешная охота заканчивается забоем, разделкой и поеданием добычи. Способы охоты и разделки добычи могут различаться в разных культурах, регионах, в разные периоды, но при этом в некоторых базовых аспектах они могут быть очень сходны.

Обеспечивая себя средствами существования, охотники часто сталкивались с дикими животными, защитная тактика которых подчас была весьма агрессивной. Однако регулярно охотиться на крупных и опасных хищников люди стали лишь на поздних этапах доисторической эпохи (см., напр.: [Klein, 2000]). Одним из таких хищников был бурый медведь (*Ursus arctos*), добывание которого представляло собой деятельность, имевшую особое смысловое значение для охотников всех культур северной лесной зоны земного шара. В этнографической литературе описан широкий спектр ритуалов, призванных воздать медведю честь и

выказать уважение (см., напр.: [Hallowell, 1926]). Эти данные позволяют полагать, что на медведя никогда не охотились просто ради его мяса или меха; важность медвежьей охоты заключалась прежде всего в ее символической составляющей.

То почтение, с каким относятся к бурому медведю, глубоко укоренено в обрядности традиционных обществ. Одним из наиболее развитых ритуалов у многих коренных народов Сибири был праздник, следовавший за успешной медвежьей охотой. Мертвого медведя, принесенного в деревню целой процессией, несколько дней развлекали песнями и танцами, предлагали ему пищу и питье. После завершения празднования медведь расчленялся (с соблюдением необходимых церемоний) и поедался, а его очищенный от мягких тканей череп выставлялся на шесте в качестве охранительного тотема [Zolotarev, 1937]. Примечательный обряд, включающий медвежье жертвоприношение, зафиксирован у айнов Японии. Для них медведь символизировал бога гор и лесов. После охоты на медведя устраивался ритуальный пир, в ходе которого ели его мясо и пили его кровь [Hiroshi, 1992]. На медвежьих праздниках у саамов охота на этого зверя представляется как действие, имеющее частично

ритуальный характер, а саамские шаманы, совершая обряд, преображаются в медведей посредством переодевания и масок [Gjessing, 1947].

Археологические материалы дают дополнительные свидетельства важности медведя для палеолитических людей и показывают, что это животное играло особую роль в верованиях и ритуалах доисторической эпохи. В палеолитической живописи изображения медведей всегда присутствуют на панно с хищниками, находящихся в как будто бы специально для них предназначенных частях пещер и в большинстве случаев представляющих, вероятно, сцены охоты (см., напр.: [Cauvet, Deschamps, Hillaire, 1996; Morel, Garcia, 2002; Rouzaud, 2002]). В Швабской Юре на юго-западе Германии найдена ориньякская фигурка медведя, сделанная из бивня мамонта [Conard, 2003]. В глубине мадленской пещеры Монтеспан во Французских Пиренеях была обнаружена вылепленная из глины в натуральную величину фигура лежащего медведя без головы [Bégouën, Casteret, Capitan, 1923; Kurtén, 1976]. Между лап находился настоящий медвежий череп, который, скорее всего, первоначально являлся частью этой скульптуры. Фигура испещрена отметинами от копий – их, вероятно, метали в нее в ходе ритуальных церемоний. Своеобразное гравированное изображение медведя в мадленской пещере Труа Фрер в Арьеже (Франция) [Morel, Garcia, 2002] – еще одно свидетельство ритуального значения этих животных для палеолитических людей. Кажется, что зверя рвет кровью, а на его теле имеются различные отметины, возможно, раны от копий.

Хотя костные остатки медведей довольно часто встречаются в отложениях пещерных памятников Евразии уже начиная со среднего палеолита, их связь с каменными артефактами во многих случаях не очевидна и, может быть, в большинстве пещер медвежьи кости и артефакты оказались независимо друг от друга [Kurtén, 1958, 1976; Chase, 1987; Stiner, 1994, 1998; Stiner, Arsebük, Howell, 1996; Baryshnikov, 1997; Tillet, 2002]. Подобная ситуация зафиксирована и в Западной Грузии, где несколько частичных скелетов (кости верхней половины туловища и передних конечностей) пещерного медведя были найдены в пещере, не содержащей материалов антропогенного происхождения, хотя и находящейся поблизости (в одной спелеосистеме) от среднепалеолитической пещерной стоянки (Бронзовая пещера) [Тушабрамишвили, 1978]. Кроме того, костные остатки этого животного доминируют в фаунистическом комплексе пещеры Джручула [Там же; Adler, Tushabramishvili, 2004]. Хотя известны случаи, когда палеолитические люди явно намеренно собирали черепа и, возможно, другие кости медведей (в основном вымершего европейского пещерного медведя, *Ursus spelaeus* и *Ursus*

deningeri), прямые археологические свидетельства охоты на этого зверя редки. Медвежьи кости, обнаруживаемые на пещерных стоянках, большей частью принадлежат либо незрелым, либо старым особям, застигнутым смертью во время спячки (см., напр.: [Kurtén, 1958; Gargett, 1996; Stiner, 1998; Lord et al., 2007]). Возможно, это связано с деятельностью крупных хищников и падальщиков (см., напр.: [Gargett, 1996; Niven, 2006; Argenti, Mazza, 2006]). В ряде случаев можно также предполагать, что молодые медведи погибали, попав в естественные пещерные ловушки [Wolverton, 2001, 2006]. Лишь изредка на памятниках верхнего палеолита и мезолита встречаются единичные кости бурых медведей, залегающие в явной связи с антропогенными остатками или несущие следы разделки [Bárta, 1989; Stiner, 1994; Chaix Bridault, Picavet, 1997]. Такие находки с наибольшей степенью вероятности можно рассматривать как свидетельства добывания этого животного человеком в результате либо нападения на него во время спячки, либо активной охоты. Особую важность для констатации факта активной охоты на медведя имеют данные, указывающие на то, что животное было убито не во время сезона спячки. Именно с этих позиций мы и подходим к анализу новых фаунистических материалов из грота Котиас клде в Западной Грузии, значительная часть которых представлена костями бурого медведя, найденными в четкой стратиграфической и пространственной связи с мезолитическими артефактами [Meshveliani et al., in press]. Данные о видовом разнообразии, возрастной структуре, частоте встречаемости различных скелетных элементов и характере модификации костей используются нами для того, чтобы понять, как формировался мезолитический фаунистический комплекс памятника.

Котиас клде

Котиас клде – карстовый грот в известняках плато Мандаэти, находящийся к югу от р. Квирила, примерно в 1 км от ее притока Садзали Хеви, на высоте ок. 700 м над ур.м. (рис. 1). Из него имеется проход в узкую пещерную полость, разветвляющуюся далее на два коридора, которые еще не были исследованы и картированы.

Раскоп площадью 9 м², заложенный в привходовой части грота, выявил последовательность неолитических, мезолитических и верхнепалеолитических слоев (раскопки 2003–2005 гг.) [Ibid]. Объектом настоящего исследования являются находки из мезолитического слоя, для которого по четырем образцам древесного угля получены калиброванные даты от 12,4 до 10,3 тыс. л.н. Следы обитания связаны с темными глинистыми отложениями (максимальная мощ-

ность ок. 60 см), богатыми каменными артефактами и фаунистическими остатками. Весь грунт из раскопа подвергался ручной разборке и промывке через сито с ячейками размером 2 мм, при этом фиксировалось пространственное и стратиграфическое происхождение всех материалов.

Для каменной индустрии характерны пластины и отщепы с однонаправленными негативами. Их скалывание производилось в основном вне памятника. Микролитический характер комплекса выражается в обилии различных пластинок с ретушью и обушком, включая изделия с косым усечением. Наиболее выразительными типами орудий этой мезолитической индустрии являются геометрические (разносторонние и равносторонние треугольники), выполненные в большинстве своем посредством встречной ретуши на пластинах и пластинках [Ibid].

Процедура анализа костей

Анализируемая здесь коллекция костей включает только фаунистические остатки, связь которых с мезолитическими слоями не вызывает сомнений. Принципы зооархеологических и тафономических определений и обозначений, использовавшиеся при сборе и оценке данных, были описаны ранее [Bar-Oz, Adler, 2005; Bar-Oz, 2004; Bar-Oz, Munro, 2004]. Материалы каждого раскопного квадрата обрабатывались отдельно с фиксацией их стратиграфического положения. Идентификация костей и таксономические определения производились в поле с использованием виртуальной эталонной коллекции скелетов животных и остеологических каталогов [Schmid, 1972; Hillson, 1999]. Идентифицируемые образцы, которые включали эпифизы и диафизы длинных костей, зубы, фрагменты черепов, кости запястья и предплюсны, позвонки и их фрагменты, определялись с максимально возможной таксономической детальностью. Близкородственные виды удалось дифференцировать благодаря содействию сотрудника Государственного музея Грузии А. Векуа и возможности использовать для сравнений коллекции этого музея.

Различение бурого медведя (*Ursus arctos*) и пещерного (*Ursus spelaeus* и *Ursus deningeri*) производилось по морфологическим и метрическим критериям, описанным Б. Куртеном [Kurtén, 1958] и М.К. Стайнер [Stiner, 1998; Stiner et al., 1998]. Кости, которые невозможно было определить с точностью до вида, группировались в классы по размеру тела животных. Это относится ко многим скелетным остаткам медведя и дикого кабана, объединенным в категорию *Sus/Ursus*. Их легко отличить от гораздо более крупных костей благородного оленя (*Cervus elaphus*).

Фрагменты диафиза обозначались согласно их положению (т.е. проксимальный, средний, дисталь-

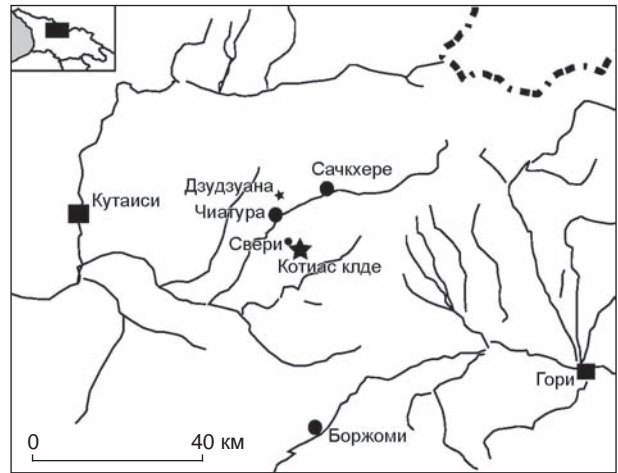

Рис. 1. Географическое положение Котиас клде.

ный), наличие специфических признаков (напр., мускульное отверстие, по: [Stiner, 2004]) и другим морфологическим критериям (см., напр.: [Barba, Dominguez-Rodrigo, 2005]). В большинстве случаев при регистрации идентифицируемых образцов учитывалась степень их полноты (по: [Marean, 1991]). Данные о частоте встречаемости разных отделов той или иной кости использовались для оценки минимального количества скелетных элементов (MNE) и особей (MNI) (по: [Grayson, 1984; Klein, Cruz-Urbe, 1984; Lyman, 1994; O'Connor, 2000]). Количество идентифицируемых образцов (NISP) служило главной мерой таксономического разнообразия [Grayson, 1984].

Кости изучались на предмет наличия макроскопических следов поверхностной модификации с применением увеличительных линз низкого разрешения ($\times 2,5$). Были выявлены следы, оставленные людьми (разделка, обожженность, намеренная фрагментация), животными (погрызы, переваривание) и постдепозиционными процессами (выветривание, вытаптывание, обесцвечивание, абразия, отпечатки корней) (см., напр.: [Behrensmeyer, 1978; Binford, 1981; Villa, Mahieu, 1991; Lyman, 1994; Bar-Oz, Dayan, 2003]). Тщательно изучалась морфология изломов на фрагментах длинных костей, в частности, угол и форма, позволяющие определить, была ли кость в момент фрагментации свежей или уже высохшей (подробное описание типов сломов см.: [Villa, Mahieu, 1991]). Чтобы оценить, в какой мере эти кости использовались для извлечения костного мозга, фиксировалась степень сохранности окружности их диафизов (т.е. полная, больше или меньше половины, по: [Bunn, 1983]).

Возрастные определения делались на основании степени сращения эпифизов длинных костей, а также износа и прорезывания зубов, четвертого премоляра (dP4) и третьего моляра (M3) (данные для медведя –

[Stiner, 1998]; для дикого кабана – [Bull, Payne, 1982; Grant, 1982]). Каждый медвежий зуб был отнесен к одной из девяти стадий износа (по: [Stiner, 1998; p. 312–313]). Кости распределялись по четырем возрастным категориям: «новорожденные», «молодые», «зрелые», «старые». Первая включает кости, принадлежавшие, судя по их размеру и текстуре, либо еще не родившимся (плод), либо недавно родившимся животным; вторая – длинные кости с еще несросшимися швами, ко-

торые должны срастаться по достижении 24 месяцев, а также молочные и постоянные зубы без следов истертости (стадии I–III по схеме М.К. Стайнер [Stiner, 1998]); третья – зубы в IV–VII стадиях износа и кости со сросшимися швами; четвертая – сильно стертые зубы (стадии VIII–IX).

Фаунистическая коллекция

Таблица 1. Видовая принадлежность и частота встречаемости фаунистических остатков из мезолитических слоев Котиас клде

Таксон	NISP		MNI
	n	%	
Косуля (<i>Capreolus capreolus</i>)	59	7,6	1
Благородный олень (<i>Cervus elaphus</i>)	58	7,5	2
Кабан (<i>Sus scrofa</i>)	306	39,5	4
Бурый медведь (<i>Ursus arctos</i>)	103	13,3	4
Кабан/медведь (<i>Sus/Ursus</i>)	173	22,3	–
Волк/собака (<i>Canis sp.</i>)	3	0,4	1
Лиса (<i>Vulpes sp.</i>)	3	0,4	1
Лесная куница (<i>Martes martes</i>)	41	5,3	2
Дикобраз (<i>Hystrix sp.</i>)	1	0,1	1
Птицы	10	1,3	2
Рыбы	18	2,3	2
Всего	775	100,0	20

Всего удалось определить таксономическую принадлежность 775 костей и обломков, считая экземпляры, объединенные в группу *Sus/Ursus* (табл. 1). Основная их часть (более 75 %) принадлежит кабану (*Sus scrofa*) и бурому медведю (*Ursus arctos*) (табл. 2), как минимум, четырем особям каждого вида. Они были равномерно распределены по площади мезолитического слоя, залегая вперемешку с костями других животных, и ни в одном случае не были найдены в анатомическом порядке. Костные остатки копытных относительно немногочисленны: косули (*Capreolus capreolus*) – 7,6 % всех определимых образцов, благородного оленя (*Cervus elaphus*) – 7,5 %. Из хищников, кроме медведя, представлены еще лесная куница (*Martes martes*), волк/собака (*Canis sp.*) и лиса (*Vulpes sp.*).

Кости из мезолитической коллекции Котиас клде отличаются превосходной сохранностью. Представлен весь спектр костных тканей разной степени плотности, включая пористые части, такие как фрагменты грудины. Различий в степени сохранности по видам животных не отмечено (табл. 3). Поверхнос-

Таблица 2. NISP и MNE для разных элементов скелета из мезолитических слоев Котиас клде

Элемент скелета	<i>Sus scrofa</i>		<i>Ursus arctos</i>		<i>Sus/Ursus</i>	
	NISP	MNE	NISP	MNE	NISP	MNE
1	2	3	4	5	6	7
Затылочная кость	2	2	2	2	–	–
Теменная »	1	1	1	1	–	–
Пирамида височной кости	1	1	1	1	–	–
Нижняя челюсть, суставные мышцелки	11	3	1	1	–	–
Зубы	63	61	21	20	–	–
Позвонки						
шейный	–	–	1	1	10	8
грудной	2	1	–	–	18	10
поясничный	–	–	–	–	26	16
хвостовой	3	3	–	–	2	2
Крестец	2	1	–	–	–	–
Грудина	–	–	–	–	2	2
Ключица	–	–	1	1	–	–
Фрагменты ребер	–	–	–	–	83	–

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5	6	7
Лопатка						
суставная впадина	1	1	–	–	–	–
тело кости	–	–	–	–	4	1
Плечо						
проксимальный конец	2	1	–	–	–	–
дистальный »	2	2	1	1	–	–
диафиз	3	2	1	1	3	1
Лучевая кость						
проксимальный конец	2	1	–	–	–	–
дистальный »	1	1	–	–	–	–
диафиз	–	–	–	–	6	2
Локтевая кость						
дистальный конец	5	3	2	2	–	–
Пястная кость						
проксимальная часть	1	1	–	–	–	–
целая	9	9	9	9	–	–
Запястные кости						
головчатая	3	3	–	–	–	–
локтевая	5	5	–	–	–	–
Подвздошная кость	1	1	–	–	–	–
Седалищная »	–	–	1	1	1	1
Другие фрагменты таза	–	–	–	–	5	2
Бедро						
дистальный конец	4	2	–	–	–	–
диафиз	2	1	–	–	4	1
Большеберцовая кость						
проксимальный конец	2	2	1	1	–	–
дистальный »	5	5	–	–	–	–
диафиз	1	1	–	–	7	3
Коленная чашка	–	–	3	3	–	–
Таранная кость	2	2	1	1	–	–
Пяточная »	9	8	1	1	–	–
4-я центральная кость предплюсны	3	3	1	1	–	–
Плюсна						
проксимальная часть	12	12	3	3	–	–
целая	4	4	8	8	–	–
диафиз	2	2	–	–	–	–
Фаланги						
1-я	35	26	17	17	1	1
2-я	54	45	12	12	–	–
3-я	28	28	10	10	–	–
Метаподия						
суставной отдел	21	21	4	4	–	–
диафиз кости	2	1	–	–	1	1
<i>Всего</i>	306	209	103	86	173	51

Таблица 3. Тафономическая характеристика фаунистических остатков из мезолитических слоев Котиаас кльде

Вид	NISP (не считая зубов)	Обо- жен- ные		Следы разделки		Фрагментация диафиза длинных костей (NISP : MNE)	Сохранность окружности длинных костей			Слом по свежей кости		Выветрен- ность (≥ ста- дии 2)		Погрызы и иные следы воздействия хищников		Следы зубов грызунов		Отпечат- ки кор- ней		Обесцве- ченность		Абразия	
		n	%	n	%		< 50 %	> 50 %	100 %	n	%	n	%	n	%	n	%	n	%	n	%	n	%
Косуля	56	2	4	0	0	23 : 12	6	4	2	4 (6)*	66	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	
Олень	49	3	6	4	8	18 : 11	8	3	0	3 (7)	42	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	
Дикий кабан	243	11	5	2	2	24 : 18	11	7	4	11 (18)	61	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Бурый медведь	82	5	6	3	4	3 : 3	1	3	7	7 (12)	58	1	2	2	1	1	1	1	0	0	0	0	0
Всего	430	21	5	11	3	—	26	17	13	25 (44)	56	1	3	1	6	1	3	1	0	0	0	0	0

* В скобках указано количество костей со сломом.

** В скобках указано количество костей со следами выветривания.

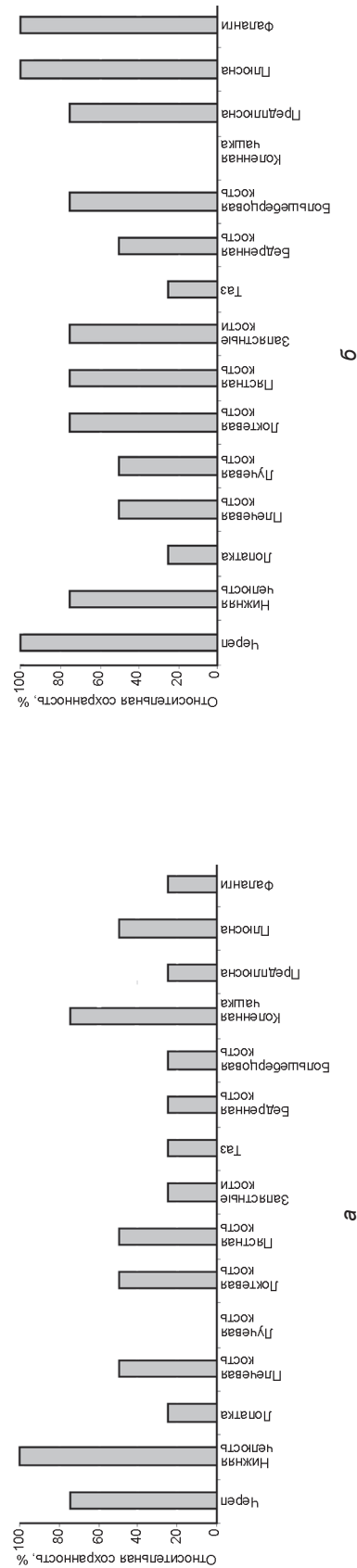

Рис. 2. Представленность разных частей скелета бурого медведя (а) и кабана (б) в Котиаас кльде.

ти длинных костей не несут следов значительного выветривания, т.е. более сильного, чем выветривание стадии I по шестиступенчатой шкале А.К. Беренсмейер [Behrensmeier, 1978], что свидетельствует о быстром погребении материалов пещерными отложениями. Следы разрушительного воздействия хищников тоже малочисленны (зафиксировано лишь три случая; все на костях медведя: погрыз дистальной предплюсны, отверстие от зуба на второй фаланге и признаки разрушения в результате пищеварения на первой), как и следы погрызов, оставленные грызунами. Отпечатки корней растений на костях очень редки, а костные остатки, подвергшиеся заметному выщелачиванию (обесцвечиванию) или абразии, отсутствуют. Единственное различие в сохранности между таксонами состоит в степени фрагментированности диафизов длинных костей, содержащих костный мозг. Она выражается отношением NISP : MNE. Ниже всего этот показатель для костей медведя, которые отличаются наименьшей фрагментированностью. Степень сохранности окружности диафизов у них также выше, чем у костей копытных. Это может означать, что в отличие от последних медвежьи кости не вскрывались для извлечения из них мозга. В то же время и те, и другие, судя по характеру сломов, фрагментировались в большинстве случаев, будучи еще свежими.

Следов орудий зафиксировано немного, хотя их локализация на костях оленя и кабана отражает практически все стадии разделки, включая снятие шкуры (след на дистальной части метаподии оленя), расчленение туши (отдельные следы на проксимальной части ребра и дистальной части бедренной кости кабана, дистальной части плечевой кости и на суставной ямке лопатки оленя), отделение мяса от костей (два следа на ребрах и один на средней части бедренной кости кабана). В коллекции представлены все скелетные элементы кабана (рис. 2) и следы основных стадий разделки кабаньих туш. Это может означать, что они расчленялись и готовились непосредственно на памятнике. Однако обожженных костей довольно мало и большинство из них – фаланги (девять) и метаподии (две). Это позволяет предполагать, что ноги кабана подвергались термической обработке до снятия с них мяса.

На медвежьих костях следы разделки зафиксированы в трех случаях; все на дистальных частях предплюсны. Они соответствуют следам от кругового надреза, производимого для отделения когтей от меха [Binford, 1981], и, скорее всего, появились в ходе снятия шкур. Образцы с очевидными признаками обожженности встречены лишь среди костей ног. Это четыре фаланги (три первых и одна вторая) и один дистальный отдел метаподии. Хотя коллекция слишком мала для детальной реконструкции состава

Таблица 4. Соотношение возрастных групп

Группа	Косуля	Олень	Кабан	Медведь
Плод/новорожденные	0	0	9	0
Молодые	0	0	39	7
Зрелые	12	10	51	47
Старые	0	0	0	0
Общее кол-во образцов, поддающихся возрастному определению	12	10	99	54

скелетных элементов, представляется, что в ней наличествуют все (рис. 2). Очевидно, медвежьи туши доставлялись на стоянку целиком.

В то время как косуля и олень представлены исключительно костями взрослых особей, среди костных остатков кабана доминируют кости молодых животных (приблизительно 50 % костей принадлежат особям, не достигшим 24 месяцев) и новорожденных поросят (ок. 10 %) (табл. 4). Возраст части последних, судя по метрическим признакам, к моменту забоя составлял менее 3 месяцев [Amorosi, 1989]. Приплод у диких кабанов на Кавказе появляется ранней весной (март – апрель) [Heptner, Nasimovich, Banninkov, 1989], следовательно, эти животные были добыты в конце весны – начале лета. Медведь, судя по степени износа зубов и сращения эпифизов длинных костей, представлен в основном костными остатками взрослых особей (табл. 4), хотя несколько костей с несросшимися швами принадлежит по меньшей мере одному молодому животному.

Обсуждение

Фаунистические остатки из мезолитических слоев Котиас клде отражают факт неоднократных сезонных посещений грота людьми, объектом охоты которых были в основном кабан и медведь. Обилие костей поросят указывает на то, что охотились в конце весны – начале лета, и следовательно, добыча медведя была скорее результатом активных охотничьих действий, нежели забоя во время спячки. Подтверждением тому служит и возрастной состав добытых медведей, костные остатки которых принадлежат в основном взрослым особям. Далее, залегание мезолитического слоя в середине привходовой площади грота свидетельствует в пользу того, что накопление здесь медвежьих костей не могло быть результатом попадания животных в естественные ловушки [Wolverton, 2001, 2006].

По сравнению со средне- и верхнепалеолитическими комплексами фауны Кавказа, в которых доминируют кавказский тур (*Capra caucasica*) и степной бизон (*Bison priscus*) (напр., коллекции из Ортвале клде и Дзудзуаны [Bar-Oz, Adler, 2005; Adler et al., 2006; Bar-Oz et al., 2008]), Котиас клде являет иной набор видов, где преобладают опасные животные, такие как кабан и медведь. Единственный близкий по составу (хотя количественно сильно уступающий описанному) комплекс фаунистических остатков происходит из мезолитических слоев грота Дарквети [Nebieridze, 1978], находящегося в нескольких километрах от Котиас клде в долине р. Квирила.

Костные остатки бурого медведя встречены на многих мезолитических памятниках Евразии, но обычно они представлены небольшим числом костей (обзор см.: [Sommer, Benecke, 2005]). В Котиас клде, напротив, это один из доминирующих видов добычи.

Хотя следы снятия шкуры с туш могут указывать на добычу медведя ради меха [Charles, 1997], резонно предположить, что главная причина охоты на него была иной. Такая охота сама по себе является вызовом для охотника, позволяет ему доказать свою искусственность. Скорее всего, эта практика была также тесно связана с мифологической и идеологической стороной жизни мезолитических обществ. Как уже отмечалось выше, медведь играет важную роль в сложных мифологических представлениях и культах многих коренных народов Севера [Hallowell, 1926; Edsman, 1987; Janhunen, 2003]. Материалы из Котиас клде тоже могут быть связаны с подобными верованиями, хотя точно установить, являются ли кости медведя с этого памятника результатом ритуальных убийств, вроде тех, что практиковались на медвежьих праздниках у разных народов Евразии, очень трудно.

Изменения в составе добычи с переходом от палеолита к мезолиту могут указывать также на появление новых видов охотничьего вооружения и, возможно, новых способов организации охоты, позволявших добывать опасных животных. Хотя мы не нашли явных свидетельств использования лука или крупных наконечников копий, не исключено, что геометрические кремневые орудия (в основном разносторонние треугольники) служили вкладышами для оснащения стрел. В любом случае, добывание таких опасных животных, как медведь и кабан, невозможно без большого искусства и храбрости охотников. Охота на молодых кабанов означала противостояние с их свирепыми матерями, готовыми защищать свое потомство. Опасность еще более возрастала при встрече с голодными и агрессивными медведями, выходившими из лесов по окончании периода спячки. Поскольку такие встречи могли принимать характер прямых рукопашных столкновений, они служили проверкой искусства и храбрости охотников; для

молодых людей они, возможно, выполняли роль инициации, обряда перехода в число полноправных членов охотничьего сообщества. Этнографические данные согласуются с таким представлением. Подобные охотничьи обряды практиковались, например, орочами Сибири, охотившимися на медведя с деревянным копьем, оснащенным наконечником [Hallowell, 1926; Reid, 2002]. Это было чрезвычайно опасное предприятие, поскольку, чтобы вонзить копьё медведю в сердце, необходимо сблизиться с ним почти вплотную. Сходные охотничьи ритуалы существовали и у некоторых других сибирских народов, например, у хантов, ходивших на медведя с ножами [Reid, 2002] (охотник плотно укутывал свою левую руку, а в правой держал длинное лезвие).

Если мотивом охоты на опасную дичь для обитателей Котиас клде служили идеологические соображения, то это может объяснить, почему из медвежьих костей, в отличие от костей копытных, почти или совсем не извлекался костный мозг. Возможно и иное объяснение: мезолитические охотники, хорошо знакомые с особенностями добываемых ими животных, знали, что после длительного периода спячки в костях медведей остается слишком мало костного мозга.

Мы полагаем, что добывание медведя в мезолите Кавказа может рассматриваться как составляющая сложной системы отношений охотничьих сообществ с окружавшим их миром животных. Можно усмотреть связь между действиями, осуществлявшимися в Котиас клде, и зарождением традиций медвежьего культа и церемониальной медвежьей охоты, которые и по сей день широко распространены у коренных народов Севера.

Благодарности

Выражаем благодарность Американской школе доисторических исследований (Музей Пибоди, Гарвардский университет) за финансовую поддержку проекта. Мы признательны нашим коллегам из Государственного музея Грузии Д. Лордкипанидзе, Ф. Векуа и Н. Тушабрамишвили за сотрудничество и помощь во время работы в Грузии. Необходимо также отметить вклад К. Ешуруна (Университет Хайфы), принимавшего участие в раскопках и лабораторном анализе материала в ходе полевых работ 2005–2006 гг. Д. Адлер и Р. Ешурун дали полезные комментарии к ранним версиям статьи.

Список литературы

- Тушабрамишвили Д.М. Археологические памятники Цуцхватского многоэтажного пещерного комплекса. – Тбилиси: Мецниереба, 1978. – 141 с.
- Adler D.S., Bar-Oz G., Belfer-Cohen A., Bar-Yosef O. Ahead of the Game: Middle and Upper Palaeolithic Hunting

Behaviors in the Southern Caucasus // *Current Anthropology*. – 2006. – Vol. 47. – P. 89–118.

Adler D.S., Tushabramishvili N. Middle Palaeolithic Patterns of Settlement and Subsistence in the Southern Caucasus // *Settlement Dynamics of the Middle Palaeolithic and Middle Stone Age* / ed. by N. Conar. – Tübingen: Kerns Verlag, 2004. – P. 91–132. – (Publications in Prehistory).

Amorosi T. A Postcranial Guide to Domestic Neo-Natal and Juvenile Mammals –The Identification and Aging of Old World Species. – Oxford: BAR, 1989. – 380 p. – (BAR Intern. Ser., N 533).

Argenti P., Mazza P.P.A. Mortality analysis of the Late Pleistocene bears from Grotta Lattaia, central Italy // *J. of Archaeological Science*. – 2006. – Vol. 33. – P. 1552–1558.

Barba R., Dominguez-Rodrigo M. The Taphonomic Relevance of the Analysis of Bovid Long Limb Bone Shaft Features and their Application to Element Identification: Study of Bone Thickness and Morphology of the Medullary Cavity // *J. of Taphonomy*. – 2005. – Vol. 3. – P. 29–42.

Bar-Oz G. Epipalaeolithic Subsistence Strategies in the Levant: A Zooarchaeological Perspective. – Cambridge: Brill Academic Publishers Inc, 2004. – 154 p. – (The American School of Prehistoric Research (ASPR) Monograph Series).

Bar-Oz G., Adler D.S. Taphonomic History of the Middle and Upper Palaeolithic Faunal Assemblage from Ortvale Klde, Georgian Republic // *J. of Taphonomy*. – 2005. – Vol. 3. – P. 185–211.

Bar-Oz G., Belfer-Cohen A., Meshveliani T., Jakeli N., Bar-Yosef O. Taphonomy and Zooarchaeology of the Upper Palaeolithic Cave of Dzudzuana, Republic of Georgia // *Intern. J. of Osteoarchaeology*. – 2008. – Vol. 17. – P. 1–21.

Bar-Oz G., Dayan T. Testing the Use of Multivariate Intersite Taphonomic Comparisons: The Faunal Analysis of Hefzibah In Its Epipalaeolithic Cultural Context // *J. of Archaeological Science*. – 2003. – Vol. 30. – P. 885–900.

Bar-Oz G., Munro N.D. Beyond Cautionary Tales: A Multidimensional Taphonomic Approach for Identifying Subpatterns in Ungulate Body-Part Data // *J. of Taphonomy*. – 2004. – Vol. 2. – P. 201–220.

Bárta J. Hunting of Brown Bears in the Mesolithic: Evidence from the Medvedia Cave Near Ruzínin Slovakia // *The Mesolithic in Europe* / ed. by C. Bonsall. – Edinburgh: John Donald, 1989. – P. 456–460.

Baryshnikov G. Cave Bears from the Paleolithic of the Greater Caucasus // *Quaternary Paleozoology in the Northern Hemisphere* / eds. J.J. Saunders, B.W. Styles, G. Baryshnikov. – Springfield: Scientific Papers of the Illinois State Museum, 1997. – P. 69–118.

Begouën H., Casteret N., Capitan L. La Caverne de Montespan // *Revue Anthropologique*. – 1923. – Vol. 33. – P. 333–350.

Behrensmeyer A.K. Taphonomic and Ecological Information from Bone Weathering // *Paleobiology*. – 1978. – Vol. 4. – P. 150–162.

Binford L.R. *Bones: Ancient Men and Modern Myths*. – N.Y.: Academic Press, 1981. – 320 p.

Bull G., Payne S. Tooth Eruption and Epiphysal Fusion in Pigs and Wild Boar // *Ageing and Sexing Animal Bones from Archaeological Sites* / eds. B. Wilson, C. Grigson, S. Payne. – Oxford: BAR, 1982. – P. 55–71. – (BAR Intern. Ser., N 109).

Bunn H.T. Evidence on the Diet and Subsistence Patterns of Plio-Pleistocene Hominids at Koobi Fora, Kenya, and Olduvai Gorge, Tanzania // *Animals and Archaeology 1: Hunters and Their Prey* / eds. J. Clutton-Brock, C. Grigson. – Oxford: BAR., 1983. – P. 21–30.

Cauvet J.-M., Deschamps E.B., Hillaire C. Dawn of Art: The Chauvet Cave. – N.Y.: Harry N. Abrams, 1996. – 135 p.

Chaix L., Bridault A., Picavet R. A Tamed Brown Bear (*Ursus arctos* L.) of the Late Mesolithic from La Grande-Rivoire (Ise`re, France)? // *J. of Archaeological Science*. – 1997. – Vol. 24. – P. 1067–1074.

Charles R. The Exploitation of Carnivores and Other Fur-Bearing Mammals During the North-Western European Late Upper Palaeolithic and Mesolithic // *Oxford J. of Archaeology*. – 1997. – Vol. 16. – P. 253–277.

Chase P. The Cult of the Cave Bear // *Expedition*. – 1987. – Vol. 29. – P. 4–9.

Conard N.J. Palaeolithic Ivory Sculptures from South-western Germany and the Origin of Figurative Art // *Nature*. – 2003. – Vol. 426. – P. 830–833.

Edsman C.-M. *Bears* // *The Encyclopedia of Religion* / ed. by M. Eliade. – N.Y.: Macmillan, 1987. – Vol. 2. – P. 86–89.

Gargett R.H. *Cave Bears and Modern Human Origins: The Spatial Taphonomy of Pod Hradem Cave, Czech Republic*. – Lanham, MD: University Press of America, 1996. – 265 p.

Gjessing G. Norwegian Contributions to Lapp Ethnography // *J. of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*. – 1947. – Vol. 77. – P. 47–60.

Grant A. The Use of Tooth Wear as a Guide to the Age of Domestic Ungulates // *Ageing and Sexing Animal Bones from Archaeological Sites* / eds. B. Wilson, C. Grigson, S. Payne. – Oxford: BAR, 1982. – P. 91–108. – (BAR Intern. Ser., N 109).

Grayson D.K. *Quantitative Zooarchaeology*. – N.Y.: Academic Press, 1984. – 202 p.

Hallowell I.A. *Bear Ceremonialism in the Northern Hemisphere* // *American Anthropologist*. – 1926. – Vol. 28. – P. 1–175.

Heptner V.G., Nasimovich A.A., Banninkov A.G. *Mammals of the Soviet Union*. – Leiden: E. J. Brill, 1989. – Vol. 1: Ungulates. – 540 p.

Hillson S. *Mammal Bones and Teeth: an Introductory Guide to Methods of Identification*. – L.: Institute of Archaeology, University College London, 1999. – 64 p.

Hiroshi U. The «Sending-Back» Rite in Ainu Culture // *Japanese J. of Religious Studies*. – 1992. – Vol. 19. – P. 255–270.

Janhunen J. Tracing the Bear Myth in Northeast Asia // *Acta Slavica Iaponica*. – 2003. – Vol. 38. – P. 1–24.

Klein R.G. *Archeology and the Evolution of Human Behavior* // *Evolutionary Anthropology*. – 2000. – Vol. 17. – P. 17–36.

Klein R.G., Cruz-Uribe K. *The Analysis of Animal Bones from Archaeological Sites*. – Chicago: University Chicago Press, 1984. – 266 p.

Kurtén B. *Life and Death of the Pleistocene Cave Bear: A Study in Paleoecology* // *Acta Zoologica Fennica*. – 1958. – Vol. 95. – P. 4–59.

Kurtén B. *The Cave Bear Story*. – N.Y.: Columbia University Press, 1976. – 163 p.

Lord T.C., O'Connor T.P., Siebrandt D.C., Jacobi R.M. *People and Large Carnivores as Biostratigraphic Agents in Late*

Glacial Cave Assemblages // *J. of Quaternary Science*. – 2007. – Vol. 22. – P. 681–694.

Lyman R.L. Vertebrate Taphonomy. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – 524 p.

Marean C.W. Measuring the Postdepositional Destruction of Bone in Archaeological Assemblages // *J. of Archaeological Science*. – 1991. – Vol. 18. – P. 677–694.

Meshveliani T., Bar-Oz G., Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A., Boaretto E., Jakeli N., Koridze I., Matskevich Z. Mesolithic Hunters at Kotias Klde, Western Georgia // *Paléorient* (in press).

Morel P., Garcia M.-A. La Chasse à l'ours dans l'art Paléolithique // *L'ours et L'homme* / eds. T. Tillet, L.R. Binford. – Liège: Etudes et Recherches Archéologique de l'Université de Liège, 2002. – P. 219–228.

Nebieridze L. Darkvetis Mravalpeniani Ekhi: (The Darkveti Multilayer Rockshelter). – Tbilisi: Metsniereba, 1978. – 103 p.

Niven L. The Palaeolithic Occupation of Vogelherd Cave: Implications for the Subsistence Behavior of Late Neanderthals and Early Modern Humans. – Tübingen: Kerns Verlag, 2006. – 312 p.

O'Connor T.P. The Archaeology of Animal Bones. – Texas: A&M University Anthropology Series, 2000. – 206 p.

Reid A. The Shaman's Coat: A Native History of Siberia. – N.-Y.: Walker and Company, 2002. – 226 p.

Rouzaud F. L'ours dans l'art Paléolithique // *L'ours et L'homme* / eds. T. Tillet, L.R. Binford. – Liège: Etudes et Recherches Archéologique de l'Université de Liège, 2002. – P. 201–218.

Schmid E. Atlas of Animal Bones for Prehistorians, Archaeologists and Quaternary Geologists. – Amsterdam: Elsevier Publishing Company, 1972. – 159 p.

Sommer R.S., Benecke N. The Recolonization of Europe by Brown Bears *Ursus arctos* Linnaeus, 1758 After the Last Glacial Maximum // *Mammal Review*. – 2005. – Vol. 35. – P. 156–164.

Stiner M.C. Honor among Thieves: A Zoo-archaeological Study of Neandertal Ecology. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1994. – 447 p.

Stiner M.C. Mortality Analysis of Pleistocene Bears and Its Paleoanthropological Relevance // *J. of Human Evolution*. – 1998. – Vol. 34. – P. 303–326.

Stiner M.C. A Comparison of Photon Densitometry and Computed Tomography Parameters of Bone Density in Ungulate Body Part Profiles // *J. of Taphonomy*. – 2004. – Vol. 2. – P. 117–146.

Stiner M.C., Achyuthan H., Arsebük G., Howell F.C., Josephonc S., Juell K.E., Pigati J., Quade J. Reconstructing Cave Bear Paleocology from Skeletons: A Cross-Disiplinary Study of Middle Pleistocene Bears from Yarimburgaz Cave, Turkey // *Paleobiology*. – 1998. – Vol. 24. – P. 74–98.

Stiner M.C., Arsebük G., Howell F.C. Cave Bears and Paleolithic Artefacts in Yarimburgaz Cave, Turkey: Dissecting A Palimpsest // *Geoarchaeology*. – 1996. – Vol. 11. – P. 279–327.

Tillet T. Les Grottes à Ours et Occupations Néandertaliennes dans les Alpes // *L'ours et L'homme* / eds. T. Tillet, L.R. Binford. – Liège: Etudes et Recherches Archéologique de l'Université de Liège, 2002. – P. 167–184.

Villa P., Mahieu E. Breakage Patterns of Human Long Bones // *J. of Human Evolution*. – 1991. – Vol. 21. – P. 27–48.

Wolverton S. Caves, Ursids, and Artifacts: A Natural-Trap Hypothesis // *J. of Ethnobiology*. – 2001. – Vol. 21. – P. 55–72.

Wolverton S. Natural-Trap Ursid Mortality and the Kurten Response // *J. of Human Evolution*. – 2006. – Vol. 50. – P. 540–551.

Zolotarev A.M. The Bear Festival of the Olcha // *American Anthropologist*. – 1937. – Vol. 39. – P. 113–130.

Материал поступил в редколлегию 29.01.08 г.